
УДК 811.512.1
DOI 10.25205/2312-6337-2024-2-33-49

Наименования домашних животных в алтайском языке и его диалектах

Н. В. Ерленбаева, С. Б. Сарбашева

Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск, Россия

Аннотация

Рассмотрены наименования домашних животных в алтайском языке с точки зрения их морфологического (аффиксального) и лексико-синтаксического способов образования; изучена семантическая мотивированность, на основе которой появились слова. В работе использовались описательный и сравнительно-сопоставительный методы, а также методы лексико-семантического и мотивационного анализа. Для выяснения происхождения слов приводятся данные из этимологических словарей тюркских языков. В алтайском языке большинство названий домашних животных относится к общетюркской лексике, при этом отмечается влияние монгольской животноводческой терминологии. В наименованиях домашних животных в алтайском языке и его диалектах наблюдаются различные фонетические изменения. В основе мотивированности наименований, образованных лексико-синтаксическим способом, лежат денотативные признаки животных.

Ключевые слова

алтайский язык, лексикология, словообразование, фонетические варианты, животноводческая лексика, семантическая мотивированность, домашние животные, зоонимы

Благодарности

Исследование выполнено по проекту Российского научного фонда № 23-28-10028 «Языковая картина мира алтайцев: лексика фауны Горного Алтая».

Для цитирования

Ерленбаева Н. В., Сарбашева С. Б. Наименования домашних животных в алтайском языке и его диалектах // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 2 (вып. 50). С. 33–49. DOI 10.25205/2312-6337-2024-2-33-49

Names of domestic animals in the Altai language and its dialects

N. V. Erlenbaeva, S. B. Sarbasheva

Gorno-Altai State University, Gorno-Altai, Russia

Abstract

The article provides a systematic description of the lexemes for the first time, denoting domestic animals in the Altai language and its dialects, focusing on vocabulary formation methods and identifying semantic motivation in the analyzed lexemes. The data were taken from etymological and translation dictionaries to determine word origins. The study used descriptive and comparative methods along with lexical-semantic and

© Н. В. Ерленбаева, С. Б. Сарбашева, 2024

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 2 (вып. 50)
Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2024, no. 2 (iss. 50)

motivational analyses. The generic and specific names of domestic animals are considered: *mal* (cattle, herd), *at* (horse), *bee* (mare), *aigyr* (stallion), *kulun* (foal), *uy* (cow), *buka* (bull), *bozu* (calf), *koi* (sheep), *kuragan* (lamb), *echki* (goat), *teke* (does goat), *uulak* (goat kid), *töö* (camel bull), *bura* (camel cow), *botoo/botoon* (camel cub), and others. The Altai language is known to preserve lexemes of Turkic origin distinct in phonetic features. Consonants are characterized by voicing, clicking, disaffrication, reduction, voicing of the voiceless consonants, and consonant elision. Vowels are characterized by lengthening, elision of the consonant *y* resulting in the formation of a long vowel, reduction of a super-short, weakly tense consonant, reduction of the initial narrow vowel, delabialization, or debulking. Besides Turkic borrowings, the Altai language also has some words of Mongolian origin. Lexico-syntactic nominations have been found to be semantically based on animals' physical characteristics, such as gender, size, and seasonal aspects. In addition, characteristics specific to certain animals have been identified, such as broken or unbroken for horses and horned or hornless for cows.

Keywords

Altai language, lexicology, word formation, phonetic variants, livestock vocabulary, semantic motivation, pets, zoonyms

Acknowledgements

The research was carried out with the support of the Russian Science Foundation, project No. 23-28-10028 "Linguistic picture of the world of the Altaians: vocabulary of the Gorny Altai fauna".

For citation

Erlenbaeva N. V., Sarbasheva S. B. Naimenovaniya domashnikh zivotnykh v altayskom yazyke i ego dialektakh yazyka [Names of domestic animals in the Altai language and its dialects]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2024, no. 2 (iss. 50), pp. 33–49. (In Russ.) DOI 10.25205/2312-6337-2024-2-33-49

Введение

Исследование лексико-семантической группы названий домашних животных в тюркских языках имеет давнюю историю. Одним из источников для углубленного изучения истории тюркских языков на основе лексики является трехтомный словарь «Дивану лугат-ит-турк» Махмуда Кашгари (XI в.) [Кашгари 2010]. Многие наименования животноводческой лексики, приведенные в словаре М. Кашгари, продолжают существовать в современных тюркских языках, в том числе в алтайском. В «Древнетюркском словаре» [ДТС 1969], составленном на базе лексики тюркских письменных памятников VII–XIII вв., имеются также ценные сведения о наименованиях домашних животных. В текстах орхонских рунических памятников представлены такие названия животных, как *ajyir* 'жеребец', *at* 'лошадь, конь', *buqa* 'бык-производитель', *ijäk* 'корова', *qoç* 'баран-производитель', *taj* 'жеребенок', *tekä* 'козел', *oylaq* 'козленок', *begä* 'кобыла' [ДТС 1969: 28, 120, 125, 211, 451, 527, 550]. Из животноводческой лексики, зафиксированной в этом словаре, в алтайском языке встречаются, например: *täkä* 'козел' ~ алт. *теке* 'козел', *begä* 'кобыла' ~ алт. *бее* 'кобыла', *oy(y)laq* 'козленок' ~ алт. *уулак* 'козленок', *adyur* 'жеребец' ~ алт. *айгыр* 'жеребец', *at* 'лошадь' ~ алт. *ам* 'лошадь', *buqa* 'бык' ~ алт. *бука* 'бык' и др. Безусловно, в определенных исторических условиях у каждого народа формировалась своя система терминов животноводства. Развитие данного пласта древнетюркской лексики происходило по нескольким направлениям: в одних случаях наблюдалось расширение значений этих лексем и на их основе происходило образование новых слов, а в других, наоборот, сужение семантики слов. В некоторых случаях наблюдается изменение лексического значения слова. Эти процессы коснулись и алтайского языка. Например, в древнетюркском языке существовало слово *köliük* 'вьючное животное', оно сохранилось в кош-агачском говоре алтайского языка со значением 'транспортное средство'.

Сведения о происхождении общетюркских и межтюркских основ, в том числе наименований животных, содержатся в «Этимологическом словаре тюркских языков» [ЭСТЯ 1974–1989]. Историко-лингвистическим источником по рассматриваемой теме является статья А. М. Щербак «Названия диких и домашних животных в тюркских языках» [Щербак 1961]. В ней системно представлены этимологические и сравнительно-сопоставительные сведения о наименованиях животных в тюркских языках и высказано предположение, что прародиной

тюрк была территория, на которой обитали лошадь, крупный рогатый скот, овцы, козы и многочисленные дикие животные. На основе сравнительного анализа было установлено, что названия таких домашних животных, как *at* 'лошадь', *iynek* 'корова', *koу* 'овца', *ečki* 'коза' и др., являются собственно тюркскими [Там же: 82–118]. В работе приводится достаточно много иллюстративного материала по алтайскому языку, что позволяет проследить историю этимологического анализа данной группы лексики. В коллективном труде ученых Института языкознания РАН «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика» рассмотрена лексика разных тематических групп, дана реконструкция тюркских праформ и их эквивалентов в современных тюркских языках, отмечены языковые изменения, произошедшие в них. Здесь представлены следующие наименования домашних животных: 'корова', 'козел', 'бык', 'овца', 'баран', 'ягненок', 'крупный рогатый скот', 'вол', 'лошадь' и т. д. [СИГТЯ 2001: 424–448]. В нашей работе мы обращались также к монографии В. И. Рассадина, в которой указаны монгольские заимствования в алтайском языке и его диалектах [Рассадин 2019].

Из тюркских языков РФ животноводческая лексика наиболее полно исследована в башкирском языке; важные сведения о терминах скотоводства содержатся в трудах ученых-языковедов Дж. Г. Киекбаева [1966], Н. Х. Максютковой [1976], С. Ф. Миржановой [1979], Э. Ф. Ишбердина [1970, 1986], У. Ф. Надергулова [2000] и др. В работах Э. Ф. Ишбердина рассмотрены наименования домашних животных башкирского языка по следующим признакам: время рождения, возраст, пол, порода, срок вынашивания плода, холощение, гужевое использование. Кроме того, в работе приводятся названия, связанные с культом животных, а также представлены этимологические описания отдельных терминов, названия животных исследуются в сравнительном плане с другими тюркскими, монгольскими и тунгусо-маньчжурскими языками [Ишбердин 1986].

Роль домашних животных в хозяйственном укладе и традиционной культуре алтайцев рассматривалась в трудах многих ученых-алтаеведов: В. В. Радлова, Л. П. Потапова, Е. М. Тошачковой, В. П. Дьяконовой и др. Животноводческая лексика алтайского языка стала объектом изучения лингвистов лишь недавно [Яимова 1990, 2002; Алмадакова 2018; Тазранова 2021, 2022, 2023; и др.]. Половозрастные названия верблюдов выделены на материале чуйского говора теленгитского диалекта в монографии А. К. Дарыджи [Дарыджи 2022]. Сравнительное изучение лексико-семантической группы слов, представляющих наименования способов естественного движения (аллюра) лошади в тюркских и монгольских языках, представлено в статье Ф. Н. Дьячковского, А. Р. Тазрановой и др. [Дьячковский и др. 2023]. В статье А. Р. Тазрановой проанализированы половозрастные названия мелкого рогатого скота в алтайском языке и его диалектах в сопоставлении с другими тюркскими и монгольскими языками. Отмечается, что половозрастные названия мелкого рогатого скота алтайского языка в большинстве случаев являются общетюркскими, различия проявляются на морфофонологическом уровне; в терминах, обозначающих возраст мелкого скота, наблюдаются семантические сдвиги [Тазранова 2023: 55]. Как показывает обзор научной литературы по теме исследования, работы, посвященные анализу животноводческой лексики в целом или отдельных ее групп, отличаются друг от друга в основном большим или меньшим охватом материала.

Материал и цель исследования

В настоящее время назрела необходимость лингвистического описания лексики, обозначающей домашних животных в алтайском языке и его диалектах. Это связано с изучением языковой картины мира алтайцев, поскольку в данной лексико-тематической группе наиболее ярко запечатлены этнокультурные особенности хозяйственного уклада алтайского этноса, его мировидения и ценностей. Систематизация этих лексем позволит вовремя зафиксировать их значения и отразить их в словарях. Цель данной статьи – выявить морфологические, диалектные и лексико-семантические особенности наименований домашних животных в алтайском языке.

Материалом исследования послужила выборка примеров, извлеченных из различных словарей и грамматик алтайского языка и его диалектов: «Алтайско-русского словаря» [АРС 2018], «Кумандинско-русского словаря» [КРС 1995], «Русско-кумандинско словаря» [РКС 2021],

«Русско-тубаларского словаря» [РТС 2019] и др. Привлекался также материал, зафиксированный у носителей разных диалектов во время полевых исследований. Выявленный материал сопоставлялся с лексическими соответствиями в тюркских и монгольских языках, а также с результатами, полученными другими исследователями.

В целях системного описания лексики в работе использовались различные методы, существующие в языкознании: описательный, сравнительно-сопоставительный, а также методы лексико-семантического и мотивационного анализа.

Лексико-семантическая группа названий домашних животных в алтайском языке

У алтайцев с древнейших времен, как и у многих тюркоязычных народов, основным видом хозяйства было скотоводство. Богатый и разнообразный растительный мир, обилие водных ресурсов, климатические условия Горного Алтая способствовали развитию скотоводческого хозяйства на протяжении многих веков. Алтайцы разводили в основном лошадей, овец, коров, верблюдов, яков и коз. Сведениями о времени появления тех или иных домашних животных у алтайцев мы не располагаем. По историческим источникам известно лишь то, что изначально основу домашнего скота тюркских народов составляли лошади и овцы. Домашние животные, которые раньше служили для удовлетворения нужд самого населения, постепенно становятся товаром. В связи с этим появляется и потребность в разведении скота в большом количестве. О месте животноводства в хозяйстве алтайцев свидетельствует развитая система животноводческой лексики алтайского языка, в которой наиболее ярко проявляется отношение народа к домашним животным, отражаются основные занятия населения, верования и обычаи. При этом основная часть названий домашних животных является общей для тюркских языков. Это свидетельствует о том, что по происхождению термины скотоводства восходят к ранней эпохе развития тюркоязычных народов.

В алтайском языке родовым термином является *мал* 'скот, скотина', имеющий общетюркское происхождение. От этого же слова лексико-синтаксическим способом образованы видовые названия домашних животных: *жылкы мал* 'лошадь' (как вид скота), *уй / ийнек мал* 'корова' (как вид скота), *кой мал* 'овца' (как вид скота) и т. д. В собирательном значении употребляется парное слово *мал-аш* 'скот, скотина' (букв.: скот-еда). Лексема *мал* употребляется в значении 'богатство, имущество, состояние, добро', особенно это характерно для пословиц и поговорок.

У алтайцев, как и у других тюркоязычных народов, достаточно полно разработана номенклатура домашних животных по половым и возрастным признакам, а также в зависимости от времени их рождения, по гужевому использованию и по другим внешним качествам. Н. А. Яимова отмечает, что в алтайском языке и в его диалектах достаточно много терминов и названий, обозначающих лошадей по полу и возрасту, по их нраву и поведению [Яимова 2002: 226]. Анализ семантической мотивированности наименований домашних животных указывает, что в основе появления номинаций животных лежат семантические признаки животных по половым и возрастным различиям, по времени их рождения, холощению и внешним признакам. Под семантической мотивированностью понимается признак предмета (в нашем случае животного), легший в основу лексической номинации. Так, дифференциация домашних животных по признакам *мелкий – крупный* (мелкий и крупнорогатый скот) выражена словосочетаниями *жоон мал* 'крупный скот', *оок мал* 'мелкий скот'. Домашних животных именовали и по их внешним физиологическим признакам. В зависимости от состояния животного с плодом или без плода различают *кысыр / субай мал* 'яловая (лошадь, корова, овца, коза и т. д.)'. По качественному признаку *жирный – тощий* животных называли *семис мал* 'жирный скот', *көдүртке мал* 'истощенный скот'. Это определение употребляется по отношению ко всем видам скота, например: *көдүртке уй / ийнек* 'тощая малорослая корова', *көдүртке кой* 'тощая малорослая овца'. Скот, предназначенный на убой, называется *согум*. Лексема *согум* восходит к древнетюркскому *сок-* 'бить, забивать скот' [ДТС 1969: 153; Тазранова и др. 2022: 162]. В большинстве случаев скот резали с наступлением зимних месяцев для длительного хранения мяса.

В алтайском языке в значении ‘стадо, табун, косяк, отара, гурт’ употребляется лексема *үүр* алт. ‘табун’ (туб. *öör*, кум. *өөр*) [РТС 2019: 327; РКС 2021: 440], например, *бир үүр уй / ийнек* ‘стадо коров’, *үүр мал* ‘табун лошадей’, *үүр кой* ‘отара овец’. В этих примерах широкие гласные заменены узкими в соответствии с законом «перелома» гласных.

Кроме названий домашних животных по полу, возрасту и другим характерным признакам, у алтайцев имеются наименования скота, связанные с различными обрядами и культурами животных. При рассмотрении названий скота также необходимо остановиться на этих наименованиях. У алтайцев, как и у многих тюркских и монгольских народов, в прошлом был широко распространен обычай вешать черепа домашних животных во дворе на колья и ограду в качестве оберега. По поверью эти черепа оберегали хозяина и его имущество от всяких несчастий. За благополучный исход каких-либо жизненно важных событий алтайцы заранее давали обеты различного содержания. Они обещали отдать живьем какой-либо скот малоимущему, зарезав его, угостить родственников и соседей. Для осуществления этих обетов заранее ставились метки на конкретных животных, овцу или лошадь. Их именовали в народе *темдектү мал* (букв.: с отметиной скот / скотина). В прошлом также проводился обряд посвящения животного боже-ству – *ыйыктаган мал* ‘скот, посвященный боже-ству’. Лошадь и овцу алтайцы называют животными с «теплым носом (дыханием)», а козу и корову – животными с «холодным носом». По признаку священности или чистоты домашний скот, овец и лошадей алтайцы называют *ак быйан* (букв.: белая благодать).

Половая дифференциация названий домашних животных имеет большое практическое значение для населения. Как известно, в тюркских языках, в том числе в алтайском языке, имена существительные не обладают грамматической категорией рода. Поэтому в целях различения пола животных существуют специальные лексемы, имеющие родовые обозначения. Рассмотрим наименования для самцов животных:

– алт. *айгыр* ‘жеребец’ [АРС 2018: 36], кум. *айгыр* [РКС 2021: 86], туб. *айар* [РТС 2019: 67];
 – алт. *бука* ‘бык’ (чал. *буга*, туб. *пуа*, кум. *пуга* [АРС 2018: 131; Баскаков 1985: 143; РТС, 2019: 18; РКС 2021: 27], алт. *теке* ‘козел’ (туб. *текэ*) [АРС 2018: 664; РТС 2019: 105]; алт. *буу-ра* ‘верблюд-самец’ (туб. *бура*) [АРС 2018: 136; РТС 2019: 21]. Здесь наблюдается несколько фонетических процессов: озвончение интервокального глухого *к* в *г*, а затем оцелинивание (замена смычного *г* на щелевой *γ*), с дальнейшим редуцированием согласного *γ* (элизия) и образованием дифтонга *уа*;

– алт. *эркек* ‘самец’ (кум. *иргек*) [АРС 2018: 925; РКС 2021: 135]; для самок: алт. *байтал* ‘кобылица (ещё не жеребившаяся)’ [АРС 2018: 100], *бее* ‘кобыла (уже имевшая жеребят)’, туб. *бей*, туб. *нее*, кум. *ней* [АРС 2018: 109; Баскаков 1986: 142; РТС 2019: 104; РКС 2021: 134]. В словах *бей* – *бее*, *ней* – *нее* произошла апокопа согласного *й*, компенсаторное (заместительное) удлинение гласного;

– алт. *уй / ийнек* ‘корова’ (туб. *инек*, *нек*, чал., кум. *нек*) [АРС 2018: 233; Баскаков 1985: 178; РТС 2019: 107; РКС 2019: 139], *тижи* ‘самка’ [АРС 2018: 674], *боос* ‘стельная (корова), жеребая (кобыла) (туб., кум., чал. *поос*) [АРС 2018: 124; Баскаков 1985: 189; РКС 2021: 86, РТС 2019: 67]. В паре *инек* – *нек* наблюдается редукция инициального узкого гласного, в паре *ийнек* – *инек* – редукция сверхкраткого слабонапряженного согласного.

Видовые наименования лошади / коня в алтайском языке

С древнейших времен в повседневной жизни алтайского народа лошади играли огромную роль. Неслучайно образы коней представлены во всех жанрах алтайского устного народного творчества. Для обозначения общего названия лошади как вида животных употребляются лексемы *ат* и *жылкы*, а в Усть-Канском и в Онгудайском районах – *мал* (лексема *жылкы* в указанных районах употребляется в значении ‘необъезженная лошадь’).

По активности наиболее распространенным из них является *ат* ‘лошадь’. Это подтверждается и тем, что это слово служит основой для образования множества терминов, например: *ала ат* ‘пегая лошадь’, *ат жарыш* ‘скачки’, *ат жалы* ‘грива конская’, *минер ат* ‘верховая лошадь’, *жарыжатан ат* ‘скаковая лошадь’, *joboш ат* ‘смирная лошадь’, *чыйрак ат* ‘выносливая ло-

шадь' и т. д. Для обозначения необъезженных лошадей употребляют определение *эмдик*: *эмдик ат* 'необъезженная лошадь', *эмдик айгыр* 'необъезженный жеребец' и т. д. В основном к этой группе относят неприрученных, находящихся долгое время на воле лошадей. Как обычно, летом они составляли особый нерабочий косяк. Норов животного также определяется по признаку *пугливый-непугливый*: *үркүнчек ат* 'пугливая лошадь'. Обычно в хозяйстве пугливых лошадей не используют. При перевозке тяжелых предметов лошади от непосильного груза могут остановиться и заупрямиться, таких лошадей называют *өчөш ат* 'упрямый конь' или *кедер ат* 'норовистый конь'.

Особую группу составляют наименования лошадей, мотивированные их ходом. Беговые лошади-скакуны называются *жүгүрүк ат* (от *жүгүр-* 'бегать'). Кони-рысаки именуется в алтайском языке словом *аргымак* 'породистая, рослая, быстрая лошадь'. Довольно распространенным явлением у алтайцев было содержание отборных беговых лошадей для скачек на праздниках, их называли *жүгүрүк ат* 'скакун' (букв.: беговая лошадь). Лошади различаются и по аллюру. Иноходец в алтайском языке передается словосочетанием *жорго ат*, например: *Јаш өлөңди јайа баспай, јараши јорго жүрүп ийди* (фолькл.) 'Не смяв зеленой травы, прошел красивый *иноходец*'. В различных фонетических модификациях слово *жорго* 'иноходь' представлено во многих языках, например: кирг. *жорго*; каз., к.-калп., карач.-балк. *жорга*; ног., туркм., уйг. *йорга*; узб., тат. *юрга*; хак. *чорга*; монг. *жороо* [СИГТЯ 2001: 444].

По весу лошади характеризуются как худые, тощие: *саракай* 'старая, исхудавшая лошадь, кляча'. Среди верховых лошадей бывают отдельные особи с гибкими и мягкими поясами, их называют *јайдак ат* 'неоседланная лошадь'. Этих лошадей при верховой езде можно использовать и без седла.

В эпосе, сказках, легендах и мифологии алтайского народа представлено словосочетание *эрјине ат / мал* в значении 'священное животное / конь'. Эрдыне (*эрјине*) называли коня – священное животное, которое считалось созданием божества Верхнего мира. Слово присутствует во всех диалектах алтайского языка, кроме кумандинского. Этимология связана с монг., ср. стп.-м., ойрат. *erdeni* 'драгоценность' < санскр. *ratna* [Рассадин 2019: 153].

Слово *јылкы*, так же как и другие видовые названия животных, образует новые слова и словосочетания: *јылкыныг эди* 'конина', *јылкычы* 'конюх, табунщик' и т. д. Слова, обозначающие домашних животных по половозрастному признаку, имеют различия и по территориальному (и диалектному) распространению.

Общетюркская лексема *јылқы* в различных фонетических вариантах зафиксирована в следующих языках: орх., др.-уйг. *јылқы*, чаг. *улқы*, тур., туркм., караим., кумык., башк., ног. *јылқы*, аз. *илху*; карач.-балк., кирг. *јылқы*, к.-калп., каз. *зылқы*, алт. *јылқы ~ јылху*, узб. *јилқы*, уйг. *зилқы*, хак., тув. *сулуу*, як. *сулуу* 'лошадь (общее название)' [СИГТЯ 2001: 444]. Существуют две версии, согласно которым слово *јылкы* признается исконно тюркским. По одной из них первичным значением является 'табун', в основе *јыл-* лежит глагол *јүүл-* 'собирать в кучу', что сомнительно фонетически и трудно объяснимо в отношении аффикса *-қы*. По версии М. Рясанена, *јылқы* – адъектив 'годовалый' (от *јыл* 'Jahr' + *ki* Adjectiv, 'ein jähriges Pferd' [Räsänen 1969: 200]), которым первоначально обозначалась группа молодняка, с чем согласуются значения слова у В. И. Вербицкого [Словарь алтайского и аладагского наречий... 2005; СИГТЯ 2001: 444–445].

В туба диалекте в слове *қылнақ* (уменьш.-ласк.) со значением 'жеребенок' наблюдается разогубление или делабиализация; ср. алт. *кулун*.

Анализ лексем, зафиксированных в различных источниках, показывает, что в основном различают три возрастные группы жеребят:

до года – *сарбага / сарбаа* 'жеребенок до года' (чал. *сарбаа*, тел., кум. *сарбага*); здесь наблюдается элизия согласного *у*, образование долгого гласного;

до двух лет – *тай* или *јабаа / јабага* 'жеребенок до двух лет' (туб. *қылнақ*, тел. *јабага*, чал. *дыава, чаба*; с элизией согласного *у*, образование долгого гласного);

до трех лет – *кунан / кунајын* 'жеребенок от двух до трех лет' (тел. *кунан* 'жеребенок с двух до трех лет'; кум. *куначын* 'жеребенок трех лет', чал. *кунаджын*, туб. *кунажы*; *төңөн / төңөјин* 'жеребенок от трех до четырех лет' (туб. *тэнежин* 'трехгодовалая телка', *төнен* 'четырёхгодо-

валая телка' (произошло озвончение глухой аффикаты *ч* в *дж*, дезаффрикатизация *дж* в *ж* с дальнейшей элизией *ж* в ноль звука);

до пяти-шести лет – *пешту*, *алтылу төнен* 'пяти-, шестигодовалая телка' (тел. *төнен* 'четырёхгодовалая корова или лошадь'), а далее *ат* 'лошадь / конь' [АРС 2018: 398, 698; ТРС 1995: 72; КРС 1995: 48; РТС 2019: 329; РКС 2021: 442; Баскаков 1985: 144, 170, 200; ТРС 1995: 86]. Однако в настоящее время эти названия употребляются редко, особенно в речи молодежи и среднего поколения, хотя в прошлом они имели широкое распространение.

Лексема алт., кум., тел. *сарбага* 'жеребенок по первому году' (< монг. *sarbaγa* 'двухлетний жеребенок'), как и лексемы *кунан / кунајын* 'жеребенок от двух до трех лет' и *төнөн / төнөјин* 'жеребенок от трех до четырех лет', являются зимствованиями (от монг. *γунап* 'трехлетний самец', *dönön* 'четырёхгодовалый бык, верблюд', *dönejin* 'четырёхгодовалая корова, верблюдица' [Рассадин 2019: 184, 155, 165]. В диалектах алтайского языка – тубаларском и телеутском – в заимствованиях произошли изменения: термин *төнен* 'четырёхгодовалая телка, корова или лошадь' [РТС 2019: 329; ТРС 1995: 72] стал обозначать животное женского пола, тогда как в остальных диалектах алтайского языка четко сохраняются значения монгольского источника: *dönön* 'животное мужского пола, четырехгодовалый бык'. Относительно происхождения этих терминов А. М. Щербак предполагал наличие в составе слов *γунан* и *төнөн*, заимствованных из монгольского языка, корней числительных «три» и «четыре», т. е. *γу-* и *дө-*, в связи с чем первоначальные значения указанных слов следовало бы определять как *γунан* 'трехлетнее (животное)', *төнөн* 'четырёхлетнее (животное)' [Щербак 1961: 94].

Четко прослеживается лексическая дифференциация названий домашних животных по возрасту и полу. В возрастной группе от одного года до двух лет жеребят по половому признаку называют иначе: *тай айгыр* 'самец жеребенок', *тай байтал* 'самка-жеребенок', *акталаган тай* 'холощенный самец', морфологическая структура последней лексической единицы состоит из причастной формы на *-ган* глагола *актала-* + *тай* 'кастрированный жеребец'. Нередко для наименования самки жеребят от одного года до двух лет употребляется их общее название *тай*, а для названия жеребца этой возрастной группы алт., тел., телен, кум., чал. *айгыр*, туб. *айар* [РТС 2019: 67]. Обычно жеребят отнимали от матери в 6–8-месячном возрасте и в течение недели содержали в отдельном помещении, после чего их отдельными группами выгоняли на пастбище.

Неоднозначными являются обозначения лошадей по половым различиям возрастных групп от двух лет и старше. Как уже было сказано выше, жеребца от двух до трех лет во всех диалектах алтайского, кроме чалканского и телеутского, называют *кунан* (от монг. *γунап* 'трехлетний самец' [Рассадин 2019: 165]), а от трех до четырех лет – *төнөн*, кобылиц – *кунајын*, *төнөјин* соответственно (< монг. *dönön* 'четырёхгодовалый бык, верблюд'; *dönejin* 'четырёхгодовалая корова, верблюдица' [Рассадин 2019: 155]).

Нежеребившуюся кобылу называют *байтал*. Пратюркская лексема **bajtal* 'кобылица (молодая)' представлена во многих тюркских языках, например: туркм. *bajtal*, караим., карач.-балк., кумык., тат., башк., ног., к.-калп., каз., кирг. *bajtal*, алт. *pajtal* 'кобыла, кобылица' [СИГТЯ 2001: 444]. Она восходит к монгольскому языку. Семантическая структура бурятского слова *байтах(н)* 'яловая в течение нескольких лет (о кобылице, корове)', 'откармливаемый на убой скот', 'жертвенная лошадь' (письм.-монг. *bajitasun* и др.), ср. также монголизм *байтахын* 'нагульный (о скоте)' в якутском. Индифферентный в отношении вида животного (корова, лошадь) и даже пола (откармливаемый скот), он явно первичен по отношению к тюркской лексеме со специализированным значением. Монг. *bajtas(un)*, возможно, является именным образованием на *-s* от глагола *baj-* 'быть' в каузативной (пермиссивной) форме на *-m*: «то, чему позволено быть, остаться на нагуле» или «оставшееся свободным от потомства». Тюркское *bajtal* объясняется либо как собственное образование на *-l* от *bajta-*, либо как сокращение более полной монгольской формы *bajtals*. Чужеродность *bajtal* в тюркском оттеняется отсутствием слова в древних памятниках, в том числе средневековых кыпчакских, и непредставленностью в северо-восточной и юго-западной группах [ЭСТЯ 1978: 36–37].

Слово *бее* ‘кобыла’ восходит к пратюркской форме **begä*. Данная лексема присутствует во многих тюркских языках, ср.: др.-уйг. *bi*, крх.-уйг. *be*, ср.-кыпч. *bej*, караим., карач.-балк., ног., к.-калп., каз., тат. *b'ije ~ bijä*, башк. *bijä*, кирг. *bä*, тув., тоф. *be*, як. *biä* ‘кобыла, жеребившаяся кобыла’ [СИГТЯ 2001: 443]. Соотношение кратких и полных форм в данном перечне, а также их положение в тюркских языках объяснить затруднительно [ЭСТЯ 1978: 97–101]. Диалектные формы слова: алт. *бее* ‘кобыла (уже имевшая жеребят)’, туб. *бей, нее*, тел. *нее*, кум. *ней* [АРС 2018: 109; Баскаков 1986: 142; РТС 2019: 104; ТРС 1995: 64; РКС 2021: 134].

Видовые наименования коровы / быка в алтайском языке

Для обозначения коровы в алтайском языке употребляется лексема *уй*, в теленгитском диалекте – *ийнек*, в кумандинском, чалканском, туба диалекте – *инек / нек*. Для обозначения безрогих коров употребляется лексема *тонкыр*, в теленгитском диалекте *тоймок*, например: алт. *тонкыр уй*, теленг. *тоймок ийнек*.

Пратюркская форма **in(i)gäk* (Тон), др.-уйг., кр.-уйг., др.-огуз., ср.-уйг. *ihgäk*; ср.-кыпч. *ijnäk* // *inäk*, арм.-кыпч. *ijnäk*, хорх.-т., чаг. *inäk*; тур., гаг. *inäk*, аз. *inäk*, сал. *ijnex*: карач.-балк. *ijnäk*; кирг. *Inäk, ijnäk*, алт. *inek, nek*; уйг. *inäk, enäk*; сюг. *enek*, хак. *inek*, саг., шор. *nek*, чул., тув., тоф. *inäk*, як. *улах*; булг.: чув. *эне* [СИГТЯ 2001: 436]. В чал., туб., кум. также употребляется вариант с выпавшим *i* – *nek* ‘корова’.

По поводу лексемы *ийнек* «существует несколько версий (см. подробнее [ЭСТЯ 1974]), но все сходятся на том, что слово морфологически структурировано. Согласно одним построениям, аффикс в слове – *-yaq / -gäk*, он допускает как глагольные, так и – реже – именные корни, что является приметой древнейшего словообразования [ДТС 1969: 652, 653], однако фонетически и семантически приемлемого глагольного или именного корня **in*, или, как сказано выше, – **ini*, найти не удастся» [СИГТЯ 2001: 436]. Сопоставление с тюрк. *ingäk* монгольского названия коровы – письм.-монг. *ünigen*, бур. *үнэ(н)*, халх. *үнэ(н)* и т. д. – морфологически может быть объяснено как собственное, монгольское образование *n*-основы от *iniy*» [Там же: 437]. «Различие в аффиксации тюркской (*iniy-äk > inyäk*) и монгольской (*iniy-än > ünigän*) говорит об исконности данной производящей основы для обеих групп языков и исключительной древности образования в них рассмотренных форм» [СИГТЯ 2001: 437].

С трех лет корову именуют *ийнек / уй*, а дальнейший возраст определяют по роговым кольцам. Известно, что роговые кольца образуются в период стельности, а их количество соответствует числу отелов коров. Корову, оставшуюся яловой при очередных отелах, называют *кысыр уй / ийнек*. Существует также заимствованное из монгольского языка слово *субай* ‘яловая, без детенышей’ (< *subai* ‘яловая’ [Рассадин 2019: 175]). Лексема *боос* обозначает животных, способных к деторождению – ‘стельная (корова)’, ‘жеребая (кобыла)’ (туб., кум., чал. *поос* [АРС 2018: 124; Баскаков 1985: 189; РКС 2021: 86; РТС 2019: 67], восходит к монг. *boγos* ‘стельная (о животных)’ [Рассадин 2019: 157].

Летом коровы находились на пастбищах, в большинстве случаев вместе с мелким скотом, ибо по численности в хозяйствах коров было значительно меньше, чем других домашних животных. Мясо коров употреблялось в пищу, из молока делали *курут* ‘сыр’, *саржу* ‘масло’, *өрөмө* ‘топленые сливки’, *эжегей* ‘вареное молозиво’, *быштак* ‘сыр’, *айрак / чеген* ‘кисломолочный напиток’ и т. д., а из кожи изготавливали обувь и другие предметы.

В следующих диалектных вариантах – *бозу / быза* ‘теленек’, в чал., кум., туб. *пыза, позов* ‘теленек’ [РТС 2019: 329] – констатируется делабиализация гласного первого слога.

Для пратюркского состояния выделяется форма **buzayu* // **buzayu*, др.-уйг., крх.-уйг. *buzayu*; ср.-уйг., ср.-кыпч., хрзм.-т., чаг. *buzayu / buzay / buzaw*; ст.-осм. *buzayu, buzayu*; тур. *buzayu*, гаг. *buzaa*, аз. *buzow*, туркм. *buzow*, сал. *puzo, puzy*; карач.-балк. *buzow*, кум., ног., к.-калп., каз. *buzaw*, тат. *bozaw*, башк. *buzaw*; алт. *pozi*; узб. *buz buzow* аq; хак. *puzo*, тув. *buzaa*; булг. – чув. *päru* [СИГТЯ 2001: 438].

Половые различия данного вида домашних животных передаются словами *эркек* ‘самец’, *тижи* ‘самка’, например: *тижи бозу* ‘теленек-самка’, *эркек бозу* ‘теленек-самец’, *эркек күски бозу* ‘теленек-самец, родившийся осенью’, *тижи жайгы бозу* ‘теленек-самка, родившаяся ле-

том'. Различение телят по времени их рождения имело большое значение в хозяйстве населения. Телята, родившиеся летом и осенью, считались неполноценными. До наступления зимы они не успевали окрепнуть, требовали особого ухода и условий. До их полной продуктивности проходило намного больше времени, чем у телят, родившихся в нормальный срок, т. е. весной. Поэтому телят ненормального срока рождения не оставляли на воспроизводство стада.

В диалектных лексемах, обозначающих пол и возраст, *торбок* 'теленок от одного до двух лет, бычок' (туб. *торвоқ*, кум. *торбак*, тел. *торбок* [РТС 2019: 329; РКС 2021: 441; ТРС 1995: 86]) наблюдается ошелинивание смычного согласного *б* в *в* в интервокальной позиции. Во многих тюркских языках наименование *торбок* используется для обозначения молодняка крупнорогатого скота, ср. кирг. *торпок* 'бычок по второму году', каз. *торпак* 'годовалый теленок', уйг. *то(р)пак* 'двухлетний бычок', хак. *торбах* 'теленок по второму году', як. *торбос* (*торбуях* уменьш.) 'теленок по первому году' [Щербак 1961: 102].

По историко-археологическим источникам известно, что в далекой древности основной тягловой силой среди домашних животных были рабочие быки, а лошадей в этих целях начали использовать сравнительно позже. В алтайском языке лексема *чар* (туб. *шар*, чал., кум., тел., теленг. *чар*) 'голощенный бычок, вол (рабочий бык)' обозначает животное от трех до четырех лет. Ср. ойрат. *сар*, стп.-м. *šar* [Рассадин 2019: 150]. В диалектных вариантах произошла дезаффрикатизация, потеря смычного компонента у *ч*, переход его в *ш*.

Для обозначения некастрированного быка существует другая лексема – алт. *бука* (чал. *буга*, туб. *пуа*, кум. *пуга*) 'бык-производитель'. Наименование *буга* / *бука*, *бугэй*, *бугай* представлено не только в древнетюркском, но и в современных тюркских языках, в частности в азербайджанском, казахском, киргизском, ногайском, уйгурском, узбекском, татарском.

Для обозначения телки, еще ни разу не телившейся молодой коровы (овцы и козы в том числе), используются термины, обозначающие жеребят трех-четырех лет: *кунајын* 'нетель двухгодовалая, телка двух лет' [АРС 2018: 398], туб. *куначын* 'телка двухгодовалая', *қынажы* [РТС 2019: 329], чал. *кунаджын* / *кунайын* [Баскаков 1985: 170], *куначын* 'телка трехлетняя' [РКС 2021: 442]. Телку четырехгодовалую называют алт., теленг. *төнөн* / *төнөјин* 'корова четырех лет' (туб. *тэнежин* 'трехгодовалая телка', *төнөн* 'четырёхгодовалая телка', далее *пешту*, *алтылу төнен* 'пяти-, шестигодовалая телка') [РТС 2019: 329], чал. *төнөн* 'теленок по четвертому году' [Баскаков 1985: 208], тел. *төнөн* 'корова в четырехлетнем возрасте' [ТРС 1995: 86] < монг. *дөнөн* 'четырёхгодовалый бык, верблюд', *dönejin* 'четырёхгодовалая корова, верблюдица' [Рассадин 2019: 155].

После отела корову с теленком в течение 2–3 дней содержали в теплом помещении, а при его отсутствии – в жилом доме. Такое содержание скота необходимо было для повышения сохранности и здорового развития молодняка. В этот период при надое коров, особенно первотелок, теленка привязывали перед матерью. Начиная с недельного возраста, когда телята уже приучались есть сено и пить болтушки в смеси с молоком, их помещали отдельно. После этого у некоторых коров при дойке резко снижалась молокоотдача. Чтобы избежать этого, нередко из цельной шкуры теленка делали чучело и привязывали его перед коровой. В народе это чучело называли *тула* / *тулак*, а в литературном языке лексема *тулак* обозначает невыделанную высушенную шкуру молодняка или павшего скота.

Видовые наименования верблюдицы / верблюда в алтайском языке

В прошлом в хозяйстве алтайцев Кош-Агачского района было достаточно много верблюдов. Лексема *төө* 'верблюд' (во всех диалектах аналогично) имеет общетюркское происхождение: др.-уйг. *täbä*, крх.-уйг. *tewe*, кыпч. *teve* / *deve* / *töve*, тур. *deve*, аз. *dävä*, карач.-балк., кум., ног., к.-калп., каз., кирг. *tüje*, тат., башк. *döjä*, хак. *tibe*, тув. *teve* и т. д. [СИГТЯ 2001: 445]. Исходной формой для названия верблюда обычно считают *teve* (с близкими вариантами *täve* ~ *tävä*) [Там же: 445].

Алт. *ботоо* / *ботоон* 'верблюжонок'. В чал., кум., туб. вместо этой лексемы употребляется словосочетание *төд(-нын) палазы* 'верблюжонок' (букв.: верблюда детеныш) [РТС 2019: 21;

РКС 2021: 30], что объясняется отсутствием слова *ботоо* / *ботоон* ‘верблюжонок’, заимствованного южными диалектами алтайского языка.

Пратюркская форма – **botu*. Слово в различных фоновариантах употребляются и в других тюркских языках, например: крх.-уйг. *botu*, ср.-уйг. *bota*, ср.-кыпч. *bota*, хрзм.-т. *boda*, чаг. *bota*; тур. диал. *potuk*, туркм. *pota*, кар., ног., к.-калп., каз. *bota*, тат., башк. *buta*; кирг. *boto*, кирг. южн. *bodo*; узб. *būta*, уйг. *bota*; тув. *bodayan* (< монг.) ‘верблюжонок, верблюжонок по первому году’ во всех источниках [СИГТЯ 2001: 448].

Монгольские формы – письм.-монг. *botuyan*, *botuyun*, бур. *ботого(н)*, халх. *ботго*, калм. *ботхн* ‘верблюжонок (годовалый)’ – рассматриваются «как заимствование из пратюркского, причем заимствованная основа не устанавливается однозначно. Либо в монгольском был нарощен аффикс *-yan* (как в *quriyan*), тогда основа была *bota* (с изменением второго гласного); но в монгольский могла попасть основа *botuq*, от которой была образована так называемая *n*-основа, отчего одна из старомонгольских форм имеет не объясненное до сих пор в аффиксальной части *botuyun*» [СИГТЯ 2001: 445].

Следующая лексема – *бура* ‘верблюд (самка)’, туб., чал. *бура* ‘верблюд-самец, жеребец’ [РТС 2019: 21; Баскаков 1985: 143]. У многих тюркских народов лексема *бура* употребляется в значении ‘верблюд-жеребец’. Пратюркская форма зафиксирована как **buɣra* / **buɣur*. Лексема *бура* встречается в следующих языках: др.-уйг., крх.-уйг., ср.-кыпч., чаг. *buɣra*; тур., туркм. *buɣra*, гаг. *bura*; к.-калп., каз. *buwra*, ног. *bora*; кирг. *buura*; узб. *buɣra*; тув. *buura* ‘верблюд-самец, верблюд-производитель’ во всех источниках (кирг. ‘старше 5 лет’, к.-калп. ‘двугорбый’; кроме тув., тоф. *buur* ‘лось-самец’, як. *buur* ‘самец лося, оленя, дикого барана’ [СИГТЯ 2001: 446–447]). Отмечается, что «морфологическое соотношение между *buɣur* и *buɣra* не поддается точному определению, но очевидно, что первая из них старше, поскольку сохраняет в своей семантике отношение к диким видам. Последнее позволяет, в свою очередь, связать *buɣur* с *buɣu* – названием самца лося, изюбра, оленя и считать *buɣu*, *buɣur*, *buɣra*, а также *buqa* (при определенных допущениях) словами, восходящими, как уже сказано выше (см. ‘бык’), к одному корню *buɣ-*, вероятно, имитативной природы, передающему трубные звуки самцов диких парнокопытных во время гона. Оформление основы формами причастия на *-r* / *-ra*, несомненно, указывает на более позднее, чем формы *buɣ=и*, время ее сложения, что соответствует развитию семантики от обозначения диких видов к домашним» [СИГТЯ 2001: 447].

Анализ наименований верблюда показывает, что они не образуют большого словообразовательного гнезда, половозрастные признаки верблюдов не имеют четкой дифференциации. Это обусловлено, прежде всего, тем, что в настоящее время алтайцы разведением верблюдов не занимаются.

Видовые наименования овцы / барана в алтайском языке

Из других домашних животных алтайцы в своем хозяйстве содержали овец и коз. В прошлом овцы в жизни алтайского народа играли не менее важную роль, чем лошади, и повсеместно разводились в большом количестве. Преобладание в стаде лошадей и овец было связано с кочевой традицией, при которой эти виды животных основную часть зимы добывали корм на тебеневке¹ из-под снега. По получаемой продукции овцы занимают первое место среди домашних животных. Овцы давали мясо, шерсть, овчину и т. д. Лишь из овчины в прошлом алтайцы изготавливали более десяти видов шуб: *тере тон* ‘дубленая шуба’, *некей тон* ‘шуба из овчины’, *жаргак тон* ‘кожаное пальто (из кожи, выделанной и очищенной от шерсти)’, *акар тон* ‘шуба из выделанной осенней овчины’, *көгүспек* ~ *көүспек* ~ *көгүстеш* ‘телогрейка, безрукавка из овчины’ и т. д.

Алт. *кой* ‘овца’, диалектные формы совпадают с литературной. Пратюркская форма **qoni* (< *qon*). Ср. др.-уйг. *qoj*, *qoj'un*; крх.-уйг. *qoj*, *qojn*; ср.-уйг. *qoj*, *qojun*; ср.-кыпч. *qoj*, *qojun*, ср.-огуз. *qoj*, *qojun*, хрзм.-т. *qoj*, *qojun*; тур., гаг. *kojun*, аз., туркм. *gojun*; караим., карач.-балк., ку-

¹ *Тебенёвка* (от каз. *тебіндеу* ‘зимнее пастбище’) – самостоятельная пастьба, самостоятельная добыча лошадьми корма из-под снега.

мык., ног., к.-калп., каз. *qoj*, тат., башк. *quj*; кирг. *qoj*, узб. *quj*, уйг. *qoj*; хак., тув. *хой* ‘овца’ [СИГТЯ 2001: 431]. «В связи с наличием данной лексемы еще и во всех группах монгольских и тунгусо-маньчжурских языков – письм.-монг. *qonin*, бур. *хони*, халх. *хонь*, эвенк. *конин*, маньчж. *хонин* / *хони* – особая древность этого слова, как и первичность какого-то назального в инлауте, смычного или щелевого, не вызывает сомнений. Исходными обычно считаются тюркские формы, рано заимствованные в монгольские, а оттуда – в тунгусо-маньчжурские языки. Для тюркских языков вопрос в том, считать ли второй слог *-(i)n* в огузской группе морфемой, осложнившей исходную основу *qon* (например, А. М. Щербак приписывает *-in* значение уменьшительности), или же этот слог возник чисто фонетически, в результате расщепления спиранта: *-n > -jn > jyn ~ -jyn*» [СИГТЯ 2001: 431].

Овцы, как и крупные животные, в зависимости от пола, возраста и времени рождения имеют различные названия. В алтайском языке и его диалектах видовым является термин *кураган* / *кураан* ‘ягненок’ от монгольского *quraγan* [Рассадин 2019: 182]. Диалектные формы: чал., кум., *кураан*, туб. *куранақ* [Баскаков 1986: 170; РКС 2021: 18; РТС 2019: 375].

Пратюркская форма **qozu* широко употребляется в тюркских языках: ср.-уйг., ср.-кыпч., ср.-огуз., хрзм.-т., чаг. *qozu*; ср.-кыпч. *qozu, quzu*; тур. *kuzi*, гаг., аз. *quzu*, туркм. *quzu*, сал. *kozu, kuzu, qoizu, qu:zu*; кар. *kozi*, карач.-балк., кум. *qozu*, тат. *quzu*, ног., к.-калп., каз. *qozu*; кирг. *qozu*, алт. *qozu*; узб. *quzi*, уйг. *qoza*; хак., тув., тоф. *xuragan* (< монг.) [СИГТЯ 2001: 433]. «В монгольских языках представлены ротацирующие формы с морфологическим наращением, что свидетельствует о длительной истории слова: письм.-монг. *qurıγan*, бур. *хурьга(н)*, халх. *хур-га(н)*, калм. *хурһн* ‘ягненок’» [Там же: 433].

Половая дифференциация овец передается лексемами *тижи* ‘самка’ и *эркек* ‘самец’. В основном этими лексемами обозначаются половые различия ягнят до трех лет: *тижи кураган* / *кураан* ‘ягненок-самка’ и *эркек кураган* / *кураан* ‘ягненок-самец’. Ягнят по времени рождения называют по-разному, например, ягнят, родившихся весной, называют *јаскы кураан* (букв.: весенний ягненок), *јайгы кураан* – летний приплод (букв.: летний ягненок), а осенний приплод – *күски кураан* (букв.: осенний ягненок). Лексема *саксырга* ‘ягненок по первому году’ [АРС 2018: 562], ‘родившийся раньше срока’ [Тазранова 2023: 57] восходит к старомонг. *segsürge* ‘крупная мерлушка’ (ягненок зимнего помета) [Рассадин 2019: 168]. Ягненка, а также детенышей домашних животных, родившихся позже обычных сроков окота, например, не весной, а осенью, по-алтайски называют *кеңе* [Тазранова 2023: 57]. Существуют и другие термины, обозначающие овец по возрасту: *тогду кой* ‘ягненок до двух лет’, *ара чыккан кураган* ‘недоношенный ягненок’, *былтыргы кураган* ‘двухгодовалый’ (букв.: прошлогодний). По полу выделяются: *кунан кой* ‘трехлетняя овца’, *төнөн кой* ‘четырёхлетняя овца’, *беи јашту јоон кой* ‘пятiletняя крупная овца’, *карган кой* ‘старая’, *боос кой* ‘овцематка’, *субай кой* ‘яловая’; *эркек кураган* ‘ягненок мужского пола’, *ирик* ‘двухгодовалый’, *куча* ‘трехлетний’, *карган куча* ‘старый баран’, *кезин салган* ‘кастрированный’ [Там же: 57].

Баранов-производителей называют алт., тел., теленг. *куча* ‘баран-самец’, туб. *кульча*, чал. *кучқа* / *куулча* [РТС 1995: 49; РТС 2019: 9; РКС 2021: 18; Баскаков 1985: 171]. Этому ряду вариантов характерно озвончение глухого согласного *ч – ц* в интервокальной позиции, элизия согласного *л*: *кульча*.

Лексема *куча* встречается в некоторых тюркских и монгольских языках: хак. *зица*, кирг. *куча* ‘ягненок-сосунок (самец)’, письм.-монг. *qusa*, бур. *хуса*, халх., калм. *хуц* и т. д. [СИГТЯ 2001: 432–433]. По мнению И. В. Кормушина, *qusa*... восходит к тюркскому *коч* ‘баран’: тюрк. *кочкор* ‘самец овцы, баран производитель’ [СИГТЯ 1997: 432–433]. В. И. Рассадин отмечал монгольское происхождение слова [Рассадин 2019: 146]. В алтайском языке, а также в его диалектах лексема *ирик* чаще употребляется для обозначения кастрированного барана [АРС 2018: 237].

Видовые наименования козы / козла в алтайском языке

По сравнению с другими животными, коз алтайцы разводили сравнительно мало (в основном в Кош-Агачском и Улаганском районах). Пратюркская форма – **äžikä* (< *äčki*) / **käči*. Сло-

во в различных фонетических вариантах широко представлено в следующих тюркских языках: др.-уйг., крх.-уйг., ср.-уйг., хрзм.-т. *äčküi*, ср.-кыпч. *äčki*; чаг. *üčküi*; халх. *äčcüi*, *äčgüi*; караим., карач.-балк., кум. *äčki*; нот., к.-калп. *äčki*; кирг. *äčki*; узб. *äčki*, уйг. *äčküi*; хак. *öski*, тув., тоф. *öšküi*; тур., гаг., аз. *käçi*, туркм. *gäçi*, тат. *käžä*, башк. *käzä* [СИГТЯ 2001: 426].

Алт. *эчки* ‘коза’ (кум., туб., тел., теленг. *эчки*, чал. *эшке*) [РТС 2019: 105; РКС 2021: 135; Баскаков 1985: 231]. «Фонетическое сходство обеих тюркских форм – *äčki* и *käçi* позволило увидеть в *käçi* метатезу из *äčki*, а за возможностью метатезы – имитативную природу слова (из разного рода подзваний коз). Эти версии многократно обсуждались в литературе. Э. В. Севортян, придавая принципиальное значение уникальной восточно-туркестанской форме *käčki*, находил в ней подтверждение структурности обоих рядов форм: *käč-i*, *käč-ki* // *äč-ki*, *äč-küi* [ЭСТЯ 1980: 35–36], что просто заменяет один вопрос другим: о соотношении основ *äč-* и *käč-*» [СИГТЯ 2001: 426–427].

По половозрастным признакам и в зависимости от времени рождения в алтайском языке названия коз почти не отличаются от названий овец. В теленгитском диалекте алтайского языка козлят называют *анай*, а в остальных диалектах и в литературном алтайском языке функционирует лексема *уулак*.

Ср.: крх.-уйг., ср.-кыпч. *oylaq*, аз. *oylaq* ‘козленок (в возрасте от полугода до года)’, туркм. *owlaq*, караим., карач.-балк., кум., ног. *ulaq*, башк., к.-калп. *ulaq* ‘козленок (без указания возраста)’, каз. *laq*, кирг. *ulaq* ‘козленок, козочка (домашние и дикие, в возрасте до года)’, узб. *ulaq* ‘козленок (в возрасте от полугода до года)’, хак. *oylax* ‘годовалый дикий козленок’ [СИГТЯ 2001: 428]. Редукционные процессы, затронувшие анлаут слова, особенно в кыпчакских формах, указывают на давность ее бытования. Об этом же свидетельствует венг. *ollo* ‘козленок’, возводимое к булг. *oylaq* [ЭСТЯ 1974: 405].

Для обозначения половых различий козлят употребляются слова *эркек* ‘самец’ и *тижи* ‘самка’, например: *эркек анай* / *уулак* ‘козленок-самец’ и *тижи анай* / *уулак* ‘козленок-самка’. В дальнейших возрастных группах, как и у овец, для обозначения самца козла употребляется общевидовое наименование *теке* ‘козел’: туб. *текэ*, кум. *айар эчки*, *иргек эчки* [РТС 2019: 105; РКС 2021: 135]. Пратюркская форма – **täkä*. Лексема *теке* встречается в следующих языках: др.-уйг., ср.-кыпч., ср.-огуз. *täkä*, тур., туркм. *teke*, аз. *täkä*, кумык., ног., к.-калп., тат., башк., каз. *mäkä*, кирг. *teke*, узб. *taka* ‘козел, нехолощенный самец козы’, кроме тоф. *техе* ‘дикий горный козел’ [СИГТЯ 2001: 428]. «Древность слова подчеркивается его представленностью во всех группах тюркских языков, а также в монгольских языках с характерным несовпадением в семантике: если калм. *täke*, бур. *täxä* ‘козел (некастрированный)’, как и в тюркских языках, обозначает домашний вид, то в халхаском *täxä* ‘козел (дикий)’. Монгольским же влиянием следует объяснять значение слова (но не звуковой облик) в алтайском, тогда как тофаларское – полное монгольское заимствование. Если монголо-халхасское значение отражает более древнее состояние, тогда можно думать, что монголы и тюрки (или кто-то из них) самостоятельно перенесли название дикого вида *täkä* на domestцированный. И таково типологическое правило: в соотношении значений “дикий вид” – “одомашненный вид” более старым является первое, если что-либо не указывает на обратное» [СИГТЯ 2001: 428].

Южные алтайцы для обозначения козла-производителя одновременно с названием *теке* употребляют лексему *серке*. В настоящее время название *серке* в различных фонетических вариантах функционирует в казахском, каракалпакском, тувинском, узбекском, уйгурском языках в значении ‘козел (холощенный)’. По происхождению данное наименование восходит к монгольскому *serke* ‘козел-кастрат трех лет’ [Рассадин 2019: 180].

Заключение

Анализ лексики, обозначающей домашних животных, в алтайском языке свидетельствует о развитой системе животноводческой терминологии у алтайцев, которая объясняется скотоводческим типом хозяйствования предков алтайцев. Сопоставление базовой лексики, обозначающей домашних животных, в алтайском языке с этимологическими данными показывает, что она восходит к пратюркским формам. В период единства тюркских народов они имели общую

лексику, связанную с ведением хозяйства, но в дальнейшем, в процессе исторического развития в их языках появились свои особенности в терминах скотоводства. В алтайском языке и его диалектах сохраняются лексемы тюркского происхождения, при этом диалектные варианты лексем отличаются от лексем в литературном алтайском языке лексическими и фонетическими особенностями.

Наблюдаются определенные фонетические процессы, касающиеся как гласных, так и согласных звуков в словах. Для согласных алтайского языка и его диалектов характерны озвончение в интервокальной позиции, ощеливание (замена смычного *z* на щелевой *y*: алт. *бука* ‘бык’, кум. *буга*, чал. *пуа*, туб., *пуга*), смычного согласного *b* на *v* (туб. *торвоқ*, кум. *торбак*, тел. *торбок*), деаффрикатизация (потеря смычного компонента у *ч*, переход его в *ш*), редуцирование (согласного *y* и образование дифтонга *ya*), озвончение глухого согласного *ч* – *ч*, а также элизия согласного *л* (*куча* ‘баран-самец’, *кульча*), озвончение глухой аффикаты *ч* в *дж*, деаффрикатизация *дж* в *ж* с дальнейшей элизией *ж* в ноль звука (алт. *кунан* / *кунајын* ‘жеребенок от двух до трех лет’, кум. *куначын*, чал. *кунаджын*, туб. *кунажы*). Для гласных характерны удлинение (*бей* – *бее*, *пей* – *пее*, произошла апокопа согласного *й*), элизия согласного *y* и образование долгого гласного, редукция сверхкраткого, слабонапряженного согласного (*ийнек* – *инек*), редукция инициального узкого гласного (*инек* – *нек*), делабиализация, или разогубление (туб. *қылнақ* ‘жеребенок’, алт. *кулун*).

На развитие скотоводческой лексики алтайского языка в некоторой степени оказал свое влияние монгольский язык. Выделены как родовые, так и видовые названия домашних животных. В основе этих номинаций лежат семантические признаки, обозначающие признаки животных: половозрастные различия, время их рождения и др. Наиболее четко выделяются физические признаки, характеризующие этих животных: *мелкое* – *крупное*, *жирное* – *тощее*, *яловое* – *не яловое*, *чистое* – *нечистое*, *животное с обетом* (предназначенное для божества), *животное с теплым носом* – *животное с холодным носом*, *холощенное* – *нехолощенное*, *самец* – *самка*. При характеристиках животных могут выделяться признаки, характерные для определенного животного. Так, для лошади выделяются признаки *объезженная* – *необъезженная*, а для коровы – *с рогами* – *безрогая*, *молочной* – *немолочной* (породы). Выделенные признаки легли в основу наименований домашних животных в алтайском языке. Лексикализация этих словосочетаний позволяет их фиксировать в словарях различных типов.

Список литературы

Алмадакова Н. Д. Названия крупного и мелкого рогатого скота в телёском (чолушманском) говоре улаганского диалекта теленгитского языка (в сопоставительном аспекте) // Вопросы диалектологии. 2018. № 1–2. С. 7–15.

АРС – Алтайско-русский словарь / Отв. ред. А. Э. Чумакаев. Горно-Алтайск, 2018. 936 с.

Баскаков Н. А., Тоцакова Т. М. Ойротско-русский словарь. М.: ОГИЗ, 1947. 312 с.

Баскаков Н. А. Диалект кумандинцев (куманды-кижи): граммат. очерк, тексты, пер., слов. М.: Наука, 1972. 279 с.

Баскаков Н. А. Северные диалекты алтайского (ойротского) языка: диалект лебединских татар-чалканцев (куу-кижи): граммат. очерк, тексты, пер., слов / Отв. ред. К. М. Мусаев. М.: Наука, 1985. 231 с.

Дарыджы А. К. Говоры теленгитского диалекта алтайского языка (в сопоставлении с тюркскими языками Южной Сибири) / Отв. ред. А. Р. Тазранова. Новосибирск: Академиздат, 2021. 384 с.

ДТС – Древнетюркский словарь / Ред. В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. Л.: Наука, 1969. 676 с.

Дьячковский Ф. Н., Тазранова А. Р., Баярсайхан Б., Трофимова С. М., Попова Н. И. Названия способов движения (аллюра) лошади в тюркских языках Сибири (в сопоставлении

с монгольскими) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 2: Филология. С. 61–73.

Иибердин Э. Ф. Историческое развитие лексики башкирского языка. М.: Наука, 1986. 151 с.

Каишгари М. Диван лугат ат-турк (Свод тюркских слов). В 3-х томах. М.: Восточная литература, 2010. Т. 1. 464 с.

КРС – Кумандинско-русский словарь: ок. 10000 слов / Сост. Л. М. Тукмачев, М. Б. Петрушова, Е. И. Тукмачева. Бийск: Бийский котельщик, 1995. 150 с.

Миржанова С. Ф. Южный диалект башкирского языка. М.: Наука, 1979. 272 с.

Максютова Н. Х. Восточный диалект башкирского языка. М.: Наука, 1976. 292 с.

Максютова Н. Х. Терминология коневодства у башкир // Вопросы лексикологии и лексикографии башкирского языка. Уфа, 1983. С. 18–26.

Надергулов У. Ф. Животноводческая лексика башкир. Уфа: Гилем, 2000. 186 с.

Рассадин В. И. Очерки по истории сложения тюрко-монгольской языковой общности / Под ред. А. В. Дыбо. СПб.: Нестор-История, 2019. 608 с.

РКС – Русско-кумандинский словарь / Сост. М. Б. Петрушова, В. М. Данилов, ред. Н. А. Дьайым. Горно-Алтайск: Алтын-Туу, 2021. 504 с.

РТС – Русско-губаларский словарь / Сост. А. С. Кучукова; ред. С. Б. Сарбашева. Горно-Алтайск: Алтын-Туу, 2019. 384 с.

Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка / Сост. протоирей В. Вербицкий. Изд. Православного Миссионерского общества. Казань: Тип. В. М. Ключникова, Большая Проломная улица, 1884; 2-е изд. Горно-Алтайск: Ак-Чечек, 2005. 504 с.

СИГТЯ – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика / Э. Р. Тенишев, Г. Ф. Благова, И. Г. Добродомов, А. В. Дыбо, И. В. Кормушин, Л. С. Левитская, О. А. Мудрак, К. М. Мусаев. 2-е изд., доп. М.: Наука, 2001. 822 с.

Тазранова А. Р. Лексема *мал* ‘скот’ в алтайском языке в сопоставлении с другими тюркскими и монгольскими языками // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Вып. 8. № 4. С. 158–165.

Тазранова А. Р. Половозрастные названия мелкого рогатого скота в алтайском языке (в сравнительно-сопоставительном освещении) // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2023. № 4 (42). С. 55–64.

ТРС – Телеутско-русский словарь / Сост. Л. Т. Рюмина-Сыркашева, Н. А. Кучигашева. Кемерово: Кем. кн. изд-во, 1995. 119 с.

Тоцакова Е. М. Традиционные черты народной культуры алтайцев. Горно-Алтайск, 1978. С. 70–103.

Щербак А. М. Названия диких и домашних животных в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 82–172.

ЭСТЯ 1974 – *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М.: Наука, 1974. 769 с.

ЭСТЯ 1978 – *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б». М.: Наука, 1978. 349 с.

ЭСТЯ 1980 – *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы «В», «Г» и «Д». М.: Наука, 1980. 392 с.

ЭСТЯ 1989 – Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Ж», «Й» / Отв. ред. Л. С. Левитская. М., 1989. 292 с.

ЭСТЯ 1997 – Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву «К» / Отв. ред. Г. Ф. Благова. М., 1997. 363 с.

Яимова Н. А. Табуированная лексика и эвфемизмы в алтайском языке. Горно-Алтайск: Горно-Алтайская типогр., 1990. 169 с.

Яимова Н. А. Наименование лошади в алтайском языке // Теоретические вопросы алтайской грамматики. Горно-Алтайск, 2002. С. 230.

Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1969. 533 s.

Список условных обозначений

аз. – азербайджанский; **алт.** – алтайский; **башк.** – башкирский; **гаг.** – гагаузский; **др.-уйг.** – древнеуйгурский; **каз.** – казахский; **к.-калп.** – каракалпакский; **караим.** – караимский; **крх.-уйг.** – караханидско-уйгурский; **карач.-балк.** – карачаево-балкарский; **кирг.** – киргизский; **кум.** – кумандинский; **кумык.** – кумыкский; **кыпч.** – кыпчакский; **ног.** – ногайский; **маньчж.** – маньчжурский; **монг.** – монгольский; **ойрат.** – ойратский; **орх.** – орхонский; **сал.** – саларский; **ср.-уйг.** – среднеуйгурский; **ср.-кыпч.** – среднекыпчакский; **ст.-осм.** – староосманский; **стп.-м.** – старописьменный монгольский; **тат.** – татарский; **тел.** – телеутский; **теленг.** – теленгитский; **тоф.** – тофаларский; **туб.** – тубаларский; **тув.** – тувинский; **тур.** – турецкий; **туркм.** – туркменский; **уйг.** – уйгурский; **узб.** – узбекский; **хак.** – хакасский; **халх.** – халхасский; **хрзм.-т.** – хорезмско-тюркский; **чаг.** – чагатайский; **чал.** – чалканский; **чув.** – чувашский; **эвенк.** – эвенкийский; **як.** – якутский.

References

Almadakova N. D. Nazvaniya krupnogo i melkogo rogatogo skota v tyolyoskom (cholushmanskome) govore ulaganskogo dialekta telengitskogo yazyka (v sopostavitel'nom aspekte) [Names of cattle and livestock in the Tyolos (Cholushman) voice of the Ulagan dialect in the Telengit language (in the comparative aspect)]. *Problems of dialectology*. 2018, no. 1–2, pp. 7–15. (In Russ.)

Altaysko-russkiy slovar' [Altai-Russian Dictionary]. A. E. Chumakaev (Ed. in Ch.). Gorno-Altai, 2018, 936 p. (In Alt., In Russ.)

Baskakov N. A. *Dialekt kumandintsev (kumandy-kizhi): grammat. ocherk, teksty, per., slov.* [Kumandin dialect (Kumandy-Kizhi): grammar essay, texts, translation, dictionary]. Moscow, Nauka, 1972, 279 p. (In Alt., In Russ.)

Baskakov N. A. *Severnye dialekty altayskogo (oyrotskogo) yazyka: dialekt lebedinskikh tatar-chalkantsev (kuu-kizhi): grammat. ocherk, teksty, per., dict.* [Northern dialects of the Altai (Oyrot) language: the dialect of the Lebedin Tatar-Chalkants (Kuu-Kizhi): grammar essay, texts, translation, dictionary]. K. M. Musaev (Ed. in Ch.). Moscow, Nauka, 1985, 231 p. (In Alt., In Russ.)

Baskakov N. A., Toshchakova T. M. *Oyrotsko-russkiy slovar'* [Oyrot-Russian dictionary]. Moscow, OGIZ Publ., 1947, 312 p. (In Alt., In Russ.)

Darydzhy A. K. *Govory telengitskogo dialekta altayskogo yazyka (v sopostavlenii s tyurkskimi yazykami Yuzhnoy Sibiri)* [Dialects of the Telengit dialect of the Altai language (in comparison with the Turkic languages of Southern Siberia)]. A. R. Tazranova (Ed.). Novosibirsk, Akademizdat, 2021, 384 p. (In Russ.)

Diachkovskiy F. N., Tazranova A. R., Bayarsaykhan B., Trofimova S. M., Popova N. I. Nazvaniya sposobov dvizheniya (allyura) loshadi v tyurkskikh yazykakh Sibiri (v sopostavlenii s mongol'skimi) [Horse gait terms in Turkic languages of Siberia (Compared to Mongolic languages)]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2023, vol. 22, no. 2: Philology. pp. 61–73. (In Russ.)

Drevnyeturkskiy slovar' [Ancient Turkic dictionary]. V. M. Nadelyaev, D. M. Nasilov, E. R. Tenishev, A. M. Shcherbak (Eds.). Leningrad, Nauka, 1969, 676 p. (In Russ.)

Etimologicheskiy slovar' tyurkskikh yazykov. Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na bukvy "Zh," "Y" [Etymological dictionary of Turkic languages. General Turkic and inter-Turkic fundamentals on the letter "Zh," "Y"]. Levitskaya L. S. (Ed.). Moscow, Nauka, 1989, 292 p. (In Russ.)

Etimologicheskiy slovar' tyurkskikh yazykov. Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na bukvy "K" [Etymological dictionary of Turkic languages. All-Turkic and inter-Turkic foundations of the letter "K"]. Blagova G. F. (Ed.). Moscow, Nauka, 1997, 363 p. (In Russ.)

Ishberdin E. F. *Istoricheskoe razvitie leksiki bashkirskogo yazyka* [Historical development of the vocabulary of the Bashkir language]. Moscow, Nauka, 1986, 151 p. (In Russ.)

Kashgari M. *Divan lugat at-turk (Svod tyurkskikh slov)* [Divan lugat at-Turk (Code of Turkic words): In 3 vols.]. Moscow, Vost. lit. Publ., 2010, vol. 1, 464 p. (In Russ.)

- Kumandinsko-russkiy slovar'*: ok. 10 000 slov [Kumandin-Russian dictionary: about 10000 words]. L. M. Tukmachev, M. B. Petrushova, E. I. Tukmacheva (Comps.). Biysk, Biyskiy kotel'shchik Publ., 1995, 150 p. (In Kum., In Russ.)
- Maksyutova N. X. *Vostochnyy dialekt bashkirskogo yazyka* [Eastern dialect of the Bashkir language]. Moscow, Nauka, 1976, 292 p. (In Russ.)
- Maksyutova N. X. Terminologiya konevodstva u Bashkir [Terminology of the language of Bashkir]. In *Voprosy leksikologii i leksikografii bashkirskogo yazyka* [Questions of lexicology and lexicography of the Bashkir language]. Ufa, 1983, pp. 18–26. (In Russ.)
- Mirzhanova S. F. *Yuzhnyy dialekt bashkirskogo yazyka* [Southern dialect of the Bashkir language]. Moscow, Nauka, 1979, 272 p. (In Russ.)
- Nadergulov U. F. *Zhivotnovodcheskaya leksika Bashkir* [Animal vocabulary Bashkir]. Ufa, Gilem, 2000, 186 p. (In Russ.)
- Rassadin V. I. *Ocherki po istorii slozheniya tyurko-mongol'skoy yazykovoy obshchnosti* [Essays on the history of the formation of the Turkic-Mongolian linguistic community]. A. V. Dybo (Ed.). St. Petersburg, Nestor-Istoriya, 2019, 608 p. (In Russ.)
- Räsänen M. *Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen*. Helsinki, Suomalais-Ugrilainen Seura, 1969, 533 p.
- Russko-kumandinskiy slovar'* [Russian-Kumandin dictionary]. M. B. Petrushova, V. M. Danilov (Comps.), N. A. D'ayym (Ed.). Gorno-Altaysk, Altyn-Tuu, 2021, 504 p. (In Russ., In Kum.)
- Russko-tubalarskiy slovar'* [Russian-tubal dictionary]. A. S. Kuchukova (Comp.), S. B. Sarbasheva (Ed.). Gorno-Altaysk, Altyn-Tuu, 2019, 384 p. (In Tuba, In Russ.)
- Sevortyan E. V. *Etimologicheskiy slovar' tyurkskikh yazykov. Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na glasnye* [Etymological dictionary of Turkic languages. All-Turkic and inter-Turkic bases for vowels]. Moscow, Nauka, 1974, 769 p. (In Russ.)
- Sevortyan E. V. *Etimologicheskiy slovar' tyurkskikh yazykov. Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na bukvu "B"* [Etymological dictionary of Turkic languages. All-Turkic and inter-Turkic foundations of the letter "B"]. Moscow, Nauka, 1978, 349 p. (In Russ.)
- Sevortyan E. V. *Etimologicheskiy slovar' tyurkskikh yazykov. Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na bukvy "V," "G," i "D"* [Etymological dictionary of Turkic languages. All-Turkic and inter-Turkic foundations of the letters "B," "G," and "D"]. Moscow, Nauka, 1980, 392 p. (In Russ.)
- Shcherbak A. M. Nazvaniya dikikh i domashnikh zhitovnykh v tyurkskikh yazykakh [Names of wild and domestic animals in Turkic languages]. In *Istoricheskoe razvitie leksiki tyurkskikh yazykov* [Historical development of the vocabulary of Turkic languages]. Moscow, AN SSSR Publ., 1961, pp. 82–172. (In Russ.)
- Slovar' altayskogo i aladagskogo narechiy tyurkskogo yazyka* [Dictionary of Altai and Aladag dialects of the Turkic language]. Archpriest V. Verbitsky (Comp.). Edition of the Orthodox Missionary Society. Kazan, V. M. Klyuchnikova Publ. House, Bol'shaya Prolomnaya ulitsa, 1884, 2nd ed. Gorno-Altaysk, Ak-Chechek, 2005, 504 p. (In Alt., In Russ.)
- Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Leksika* [Comparative-historical grammar of Turkic languages. Lexicon]. E. R. Tenishev, G. F. Blagova, I. G. Dobrodomov, A. V. Dybo, I. V. Kormushin, L. S. Levitskaya, O. A. Mudrak, K. M. Musaev (Comps.). 2nd ed., suppl., Moscow, Nauka, 2001, 822 p. (In Russ.)
- Tazranova A. R. Leksema *mal* 'skot' v altayskom yazyke v sopostavlenii s drugimi tyurkskimi i mongol'skimi yazykami [The token *mal* 'cattle' in the Altai language in comparison with other Turkic and Mongolian languages]. *Theoretical and Applied Linguistic*. 2022, iss. 8, no. 4, pp. 158–165.
- Tazranova A. R. Polovozrastnye nazvaniya melkogo rogatogo skota v altayskom yazyke (v sravnitel'no-sopostavitel'nom osveshchenii) [Sex and age names of small cattle in the Altai language (in comparative light)]. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 2023, 4 (42), pp. 55–64. (In Russ.)
- Teleutsko-russkiy slovar'* [Teleutsko-Russian dictionary]. L. T. Ryumina-Syrkasheva, N. A. Kuchigasheva (Comps.). Kemerovo, Kem. kn. izd., 1995, 119 p. (In Tel., In Russ.) national culture]. Gorno-Altaysk, Gorno-Altaysk, 1978, pp. 70–103. (In Russ.)

Yaimova N. A. *Naimenovanie loshadi v altayskom yazyke* [Naming horses in Altaic language]. In: *Teoreticheskie voprosy altayskoy grammatiki* [Theoretical questions of Altaic grammar]. Gorno-Altai, 2002, 230 p. (In Russ.)

Yaimova N. A. *Tabuirovannaya leksika i evfemizmy v altaiskom yazyke* [Taboo vocabulary and euphemisms in the Altai language]. Gorno-Altai, Gorno-Altayskaya tipogr., 1990, 169 p. (In Russ.)

Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
26.09.2023

Сведения об авторах

Ерленбаева Надежда Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры алтайской филологии и востоковедения Горно-Алтайского государственного университета (Горно-Алтайск, Российская Федерация)

E-mail: env-1977@yandex.ru

ORCID 0000-0002-9115-5686

Сарбашева Сурна Борисовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры алтайской филологии и востоковедения Горно-Алтайского государственного университета (Горно-Алтайск, Российская Федерация)

E-mail: surnasarbasheva@mail.ru

ORCID 0000-0002-6022-6664

Information about the Authors

Erlenbaeva Nadezda Viktorovna – Candidate of of Philology, Associate Professor, Department of Altai Philology and Oriental Studies, Gorno-Altai State University (Gorno-Altai, Russian Federation)

E-mail: env-1977@yandex.ru

ORCID 0000-0002-9115-5686

Sarbasheva Surna Borisovna – Candidate of of Philology, Associate Professor, Department of Altai Philology and Oriental Studies, Gorno-Altai State University (Gorno-Altai, Russian Federation)

E-mail: surnasarbasheva@mail.ru

ORCID 0000-0002-6022-6664